

Сколько же можно ждать? — худощавый и высокий слесарь Марков наконец перестал ходить взад-вперед по раздевалке и присел к столу. На нем двое его товарищей разложили нехитрую снедь и уже давно с нетерпением поглядывали на входную дверь.

— А кого послали? — спросил грузный и добродушный Порезов.

— Ларионыча, конечно. Еще в три часа ушел, где его черти носят? — с раздражением ответил уже переодевшийся в чистый костюм слесарь Новиков, глядя то и дело на часы и нервно выбивая на столе пальцами дробь.

... — Сержант Зотов задание выполнил! — раздался вдруг трескучий голос. На пороге стоял пожилой человек, торопливо вынимая из карманов пиджака две бутылки водки. Компания оживилась и, не мешкая, приступила к трапезе.

Зотов тоже выпил, но, в отличие от всех, красненького. Все знали, что дед мается желудком, поэтому всегда выделяли ему на портвешок. Зотов прошел три войны, о себе говорил: «Поползал по землице вдоволь». А сейчас, будучи на пенсии, продолжал держаться заводской трубы, коллектива, где проработал более сорока лет.

Зотов был не дурак выпить, но это было для него не главным. Его тянуло к молодежи, к общению. А самое тесное общение, как известно, за выпивкой. Он так и говорил: «Я с вами, ребята, до конца. Отсюда меня и понесете».

Зотова по-своему любили, уважали, что не мешало, однако, всему коллективу цеха над ним подшучивать. Может, оттого что своими бесконечными рассказами и поступками он сам и давал повод. Так или иначе, а на шутки он не обижался, зато всегда был в центре внимания, что ему очень нравилось. Вот и сейчас Зотов пытался пробиться в разговор, однако от него добродушно отмахивались: «Да знаем мы эту историю о двух сестренках». Зотов не сдавался, суетился: порезал два яблочка, сольца, посыпал хлеб солью, подал каждому и снова ввернул: «Да послушайте. Про него и никто не знает даже!» Компания, зная характер деда и видя, что от первой дозы его брови пришли в движение — верный признак, что дед поймал кайф, решила подзадорить его.

— Ларионыч, опять про «языка» рассказать хочешь? Или еще что придумал?

Зотов добродушно ответил:

— За фрица и напомнить не грех, авось еще попросите, но потом — не расскажу. А вот о стаканчике доложить могу прям щас.

— Да пусть расскажет, — моторист-испытатель Порезов смачно хрустнул яблочком, закусывая водку. Количество выпитого у него отражалось только на шее. Она лишь понемногу багровела.

— Значит, так, — Зотов, испытывая волнение от выпитого и внимания к своей персоне, оправил пиджачок, покрутил узелок галстука-регата, который носил уже лет десять, и встал со стула.

— Еду я, значит, домой, как обычно, с работы на дизеле. Знаете, с родной своей Тихоновой Пустыни. Домочек у меня там зелененький, хозяйство разное... Так вот, я и говорю, что езжу сколько лет, а смекнул недавно. Стаканчик у меня видели? Маленький такой. Ведьма моя на рынке таким семечки отмеряет. Так вот, он аккурат всегда при мне, в котомочке моей в газету обернутый.

Порезов сплюнул на пол:

— Давай, мужики, разливай. Этого деда не дождешься.

Зотова, однако, замечание нисколько не смутило, и он продолжал говорить, при этом его густые, как кусты смородины, брови уже начали прыгать вверх-вниз и даже пытались разбежаться в стороны, почти совсем закрывая маленькие плутоватые глазки, которые как-то не соответствовали открытой и очень доброй улыбке, большой и бугристой картофелине носа.

— Так вот. Люди после работы домой едут на рабочем поезде... Ну и как обычно... сообразят на вокзале на скорую руку, в поезд сядут, а налить — куда? А я вот и кстати. Стаканчик чистенький подам, ну и мне, значит, всегда наливают! Они потом в карты играют, а я стаканчик приберу и дремлю до дома полчасика. И так мне лениво становится...

— Во дед дает, и в поезде пристроился. Недаром в войну был в разведке.

Зотов доволен, он улыбается и по-своему счастлив, брови его уже пляшут. Он достает из старенькой сумочки маленький, граммов на сто двадцать, стаканчик и бережно всем показывает. В огромном кулаке стаканчика не видно. Мужиков всегда удивляли кисти рук Зотова. Они странно смотрелись и, казалось, не могли принадлежать высохшему телу.

Особенно поражали пальцы — палички, как называл их сам Зотов, — они были длинные и толстые, как щупальцы осьминога, в их многочисленных порезах, ссадинах и морщинах прочно въелись за десятки лет работы заводская пыль и масло вперемежку с невзгодами и обидами. Ногти были желтовато-коричневого цвета, в трещинах и заусенцах, и напоминали панцири маленьких черепах. Ноготь большого пальца не мог прикрыть даже металлический рубль с изображением Ленина, что было достоверно, так как много раз проверялось. От долгого общения с металлом и землей пальцы Зотова потеряли былую подвижность и сжимались в кулак не до конца. Руки как бы жили сами по себе и, наверное, продолжали считать себя принадлежностью того, некогда здорового, мощного тела, а теперь вызывали изумление и уважение.

Между тем Зотов, видя равнодушные собеседников к своему рассказу, засобирался на поезд. Он протер газетой стаканчик и, довольный вниманием, бодро попрощался и ушел.

Компания, продолжая разговор о работе, тоже направилась к выходу, решив по пути добавить пива. «Тульского» бери, оно лучше», — дал установку Порезов Маркову. Наверное, за пивком и родилась идея, как в очередной раз подшутить над Зотовым. Мужики погоготали и разошлись.

* * *

Зотов пришел на завод в начале седьмого. Так рано приходил рабочий поезд в Калугу. Он не спеша переоделся и занялся привычными делами. Последние годы он выполнял всякие хозяйственные работы: подметал в цехе, складировал детали, затачивал инструмент, и еще выполнял много разных, не требующих тяжелого физического труда, дел. За работой день прошел быстро. Собираясь в четыре дня домой, Зотов, открыв гвоздем замочек шкафа, стал переодеваться, мурлыкая про себя песенку, заученную еще в финскую. Настроение заметно повышалось при мысли, что в вагоне он достанет свой, такой всем нужный, стаканчик и получит бесплатное угощение. Брови Зотова еще были неподвижны, но уже готовы к привычной пляске.

Он пристроился недалеко от тамбура. До отхода поезда оставалось совсем немного времени, а его глазки никак не могли найти искомый объект. Поезд тронулся, и Зотов, потеряв всякую надежду, продолжал смотреть в пустой тамбур, пока не услышал за спиной голоса: «Ну что, в «козла»?» — «Погодь, давай примем сначала!»

Зотов безошибочно определил момент и, мгновенно соскользнув со своего места, подошел к мужчинам, которые готовились к ритуалу:

— Молодые люди, может, стаканчик нужен, у меня и яблочко есть!

Губы Зотова расплылись в подкупающей улыбке. Предложение сработало, как всегда, безотказно, и он, чувствуя, как замерло сердце, суетясь, протянул стаканчик рыжему мужику. Другой, взяв яблоко и вытерев о рукав, разломил его пополам, а рыжий с удовлетворением заметил:

— Хороший посошок и чистый. Молодец, дед, заслужил. Опосля нальем.

Присев на край сиденья, Зотов ждал. Он уложил громадные кисти рук на колени, закрыв их полностью, отчего казалось, что у старика нет ног вовсе. Рыжий, сидевший напротив Зотова, одним движением свернул голову у «Ржаной» и осторожно, нацелив ее шею в стаканчик, поинтересовался:

— Дед, а калибр побольше есть, а то несподручно наливать, промахнуться можно.

Он посмотрел на Зотова, продолжая наливать водку. Зотов отрешенно глядел на бутылку, а видел Пашку, согнувшегося из-за своего роста в низкой землянке и бережно наливающего спирт в него, Зотова, стаканчик, который он приспособил из гильзы 45-миллиметрового снаряда. «Тот калибр точно поболее этого был, — Зотов непроизвольно произнес эту фразу вслух. — Вот токо с того стаканчика никто не выпьет больше...» Усатый мужик вдруг выхватил у рыжего бутылку:

— Куда льешь? Ослеп, что ли, ведь он худой!

И только тут все заметили, что водка лилась и лилась, и никак не могла наполнить стакан.

Секунды две-три мужики смотрели друг на друга, а потом, как по команде, усталились на Зотова, отчего у того внутри будто что-то со звоном упало. Так у него было лишь однажды, в финскую, когда он, снайпер Зотов, просидевший в своем тайничке несколько часов кряду и продрогший насквозь, вдруг получил пулю. Тогда внутри тоже как-то холодно звякнуло и оторвалось.

— Ах ты, козел старый! Это ж надо — подсунул! — рука рыжего сгребла и пиджачок и ворот рубашки Зотова...

— Оставь его, — резко вступился все время молчавший у окна третий. — Ты что, дед, пошутить захотел? Или как тебя понимать?

— Ребятки, ребятки, нюанс вышел. Ей-богу, не пойму, как случилось. Не иначе моя ведьма дома подменила. Завтра с этим поездом, завтра... я угощу...

Зотов был жалок и искренен, наверное, поэтому мужики, переглянувшись, сменили гнев на милость и, толкнув его в проход, напутствовали:

— Ладно, старый, катись с глаз долой. Считай, у тебя сегодня «день птицы» — пролетаешь, значит.

Рыжий кивнул на бутылку, заржал и тут же, опрокинув ее в рот, сделал два больших глотка...

Зотов сошел с поезда и, сутулясь, побрел к дому. Ноги плохо слушались, а в спине ныли осколки. Ему было обидно. «У меня, может, дома медаль «За отвагу» и орден Славы второй степени, а он меня за грудки, значит. Не иначе Юрки Порезова проделки. Этот может! А я, дурак старый, ему сверлышко алмазное поправил. Аккурат шестерка».

Так, рассуждая, Зотов вошел в дом. Не успев переодеться, услышал сердитый голос жены: «Небось опять выпивши? И когда ты напьешься только? Иди хоть две-три грядки картошки выкопай, пока погода... Жрать потом будешь. Не сготовила ишо».

Надев старые галоши и что-то невнятно ворча, Зотов пошел в огород. Он, не торопясь, разделался с грядкой. Картошка была знатная: ровная, крупная, с шероховатой кожей. «Эта вкусная будет, — шептал Зотов. — И урожай хорош. Три куста — ведро».

Вторая грядка начиналась прямо от забора, и Зотов долго не мог сподобиться, чтобы хорошо, не порезав картошку, взять куст. Он крутился, крутился, а потом, воткнув лопату на весь штык, с трудом отворотил большой ком земли. «Здесь еще лучше будет, тут навоз лежал», — подумал про себя Зотов. Нагнувшись, он начал собирать крупную картошку: «Пять, шесть... девять. Нет, эта уже средняя будет!» И вдруг он увидел на дне ямки доньшко бутылки. Зотов мгновенно извлек находку. «Портвейн-13» — Зотов стоял и счастливо улыбался, поглаживая заскорузлы-

ми пальцами бутылку, а потом, послунив большой, потер этикетку. «Да это ж моя — с весны хоронится. Тогда от ведьмы спрятал! Шестнадцать градусов. А за лето покрепчало небось? На все восемнадцать потянет. Ну, щас испробую!»

Он пристроился у сарая за поленницей и, скатав хлебный шарик, залепил отверстие в стаканчике, после чего налил и выпил дважды. Потом достал из потертого портсигара «беломорину», закурил и задумался, присев на чурбачок. Зотов сидел неподвижно, и только брови выполняли сложное движение, правда, без суеты. Он налил еще три раза и привалился спиной к березовым чуркам.

* * *

Его разморило. В последнее время его часто клонило в сон. Он, посаывая папиросу, медленно думал: «Помирать-то не хочется. Хочется еще чуток с людьми побыть, со своими товарищами...» Незаметно Зотов опять вернулся к одолевшей его в последние годы войне. Он представил своих товарищей по работе — Порезова, Маркова, Новикова. Представил без обычных их подковырок, внимательно слушающими его рассказы. И это вдохновляло его, он старался мысленно донести до них все детали своих злоключений. «Эка зараза прилипла, нет мне ни днем, ни ночью покоя. — Зотов растер бычок носком галоши. — Тогда, в сорок третьем, мы с Пашкой языка взяли. Молодые были, озорные и сильные. А мне все фартило, хотя на войне с первого дня был. А фрица я по шее здорово врезал. Всего раз, а тот свалился. Пашка его на плечи, и поволол, ну как мешок с картошкой, а я еще подсуетился — ихнего шнапсу прихватил. Так и ползти домой: Пашка фрица волочит, а я в руках шнапс, чтобы не разбить, значит. О смерти тогда не думал — боялся шнапс разбить. Чуть до своих оставалось, а меня, как на грех, прихватило — терпенья нет. Поставил я тогда перед собой бутылки, а сам присел нужду справить. Пашка аж зашипел: «Ты че, Григорий, до дома донести не можешь? Тебе-то работы — ползти только». А тут немцы спохватились, опомнились, значит, постреливать стали. Тогда присел я в приямок и дело сделал, по-военному быстро. Потом руки протянул — темень страшная, а шнапса и нету. Шарил руками долго. Ну, хоть назад ворочайся. Пашка с фрицем уж далеко уполз. А мне за себя обидно стало, что у меня все комом шло. А потом злость аж наружу полезла, как каша из котелка на костре без догляда. Видно, тогда и потерял бдительность. Засуетился, не полз, привстал, перебежками, значит. Хотел Пашку догнать, подсобить, может. Окоп свой уж рядом, считай, был, а меня к нему будто подтолкнуло дважды что-то: в бок и бедро — в ногу, значит. Ничего, думаю, теперь уж дома. Перевалился через бруствер, тут ребята и приняли... Тогда нам с Пашкой медали дали. Сам полковник руки пожал. Меня так и по плечу похлопал и сказал: «Молодец, сержант Зотов. За немецкого офицера спасибо, а вот что ранение получил... не стоит он того». Потом мы с Пашкой наш спирт пили и картошкой печеной закусывали, фрица «обмывали». О шнапсе и не жалели. Ранение мне легко вышло: в бедро навывлет, а что в спину, в бок, которая пуля метила, та в стаканчик попала. Считай, два снаряда встретились, только один уже мирный, без злобы, а другой... Я с тем стаканчиком на то время уже три года воевал. А пуля, что она? Может, вскользь или еще как, а может, спешила, очень ей недосуг, видно, было, вот мимоходом стаканчик и пробуровила. Дырка не гладенькая, как

из-под сверла, а рваная, зубастая. Так из него и пили. Доверху не наливали, а до середины, до дырочки. Но тогда у меня руки крепко стаканчик держали. Как-никак, а он сберег меня, значит...»

Зотов стал собирать картошку в мешок. Она была почти чистая. Он долго разглядывал картошку, а видел ту, печеную, в землянке. «А через неделю мы с Пашкой подорвались на mine. Пашку насмерть, а меня попужало токо — осколками посекло. Вот и вышло, что тогда с Пашкой из того стаканчика последний раз пили. Я его на могилке Пашкиной оставил... Даже поправлять не стал, как был пулей изувеченный»...

В саду было тихо, лишь изредка и всегда неожиданно падали яблоки. Мгновенье полета было трудно заметить, можно было слышать звук удара. Глухой и безысходный. Некоторые яблоки, касаясь земли, откатывались в сторону, шурша подсыхающей травой. Зотов долго и пристально глядел, хотел застать падение с самого начала, в момент отрыва, в момент смерти. Но этот момент, как и многие тайны жизни, подсмотреть было трудно, почти невозможно. «Какие ядреные, полны жизни, а падают. Им бы висеть еще да глаз радовать! А мои друзья-товарищи зелепухами облетели. Отцвели, чуть-чуть свет увидели — и наземь! А я — как вон то маленькое, сморщенное, у ствола. Уцепился за жизнь и не падаю. А упаду — и пользы не будет. Ни вида, ни вкуса, ни запаха!» Зотов подошел к дереву и потянул сморщенное яблоко. Оно, как ни странно, крепко держалось, а от прикосновения к дереву упали лишь красивые.

Зотов уже не обижался ни на мужиков в поезде, ни на шутников с работы. Он интуитивно чувствовал и понимал, что он — сержант Григорий Ларионович Зотов, чудом оставшийся в живых в той далекой мясорубке, оттого так и любит жизнь, молодежь, что слишком дорого заплатил за нее, сделал все, что мог, хотя... Хотя внутри было беспокойно, будто кто-то все время напоминал, что он в долгу и перед Пашкой, и другими товарищами, чья жизнь тогда оборвалась. «Они думают, что я один хожу, работаю, выпиваю с ними, — мысленно обращался Зотов к товарищам по работе. — А я не один! Я — с Пашкой. Он у меня с войны вот где», — Зотов даже не заметил, как стукнул себя в грудь. «Именно здесь, где все время давит и колет иголками. А Пашка-то знал, как хороша жизнь! Вот пуцай теперь через меня, значит, и порадуется, со мной и моими товарищами посидит, анекдоты потравит, выпьет! Я ведь теперь, как плохонький мосток через глубокую речку, связываю память про Пашку с жизнью нашей. Нельзя мне, однако, умирать. Кто тогда об них все расскажет, доложит конкретно. А я уж расскажу все точно, как было, чтоб, значит, память уцелела. Конечно, про случай в поезде рассказывать не буду, а вот как языка с Пашкой брали... пускай еще послушают! А не попросят — сам расскажу!»

Зотов сел за стол, жена поставила перед ним горячие щи. Он посмотрел на жену и подумал: «Может, она и не ведьма вовсе, а если ведьма, то наполовину». Зотов вспомнил ее в госпитале медсестрой и улыбнулся. Улыбка была добрая и озорная.

НИЧЕГО

Открытие новых супермаркетов, бутиков стало делом привычным. Они растут, как грибы после обильных дождей, но аптеки... Каждые сто метров — и аптека или центр здоровья, где за один сеанс обещают провести полную диагностику и безболезненно вылечить практически от любой болезни. А главное — по умеренным ценам!

Проезжая по главной улице в самом центре города, Агния Изюмовна обратила внимание на новый фасад: «Сержик, взгляни только. Да вот, направо. Фонтанчик, розы и вывеска оригинальная, не пойму только, написано что? Давай, рули к бутику, я там еще не была».

Выйдя из «Мерседеса», Агния Изюмовна по достоинству оценила новый салон. При входе чисто, ухоженный газон и лавочки под коваными фонарями. Наконец она с трудом прочла витиеватую вывеску над салоном: НИЧЕГО!

При входе их встретила молодая девушка. «Не иначе мисс чего-то какого-то года», — мелькнуло в голове Сергея Ивановича. Вслух же он сказал: «Вы очаровательны!» — «Меня зовут Ира... Чай, кофе?» — она пригласила присесть чету Петровых на роскошный диван, рядом с которым стоял изящный столик с черной розой в вазе. «Это наш новый салон — первый в городе... да и в стране, — доверительно сообщила Ирина. — Здесь много воздуха и света, и здесь вам всегда будут рады. Здесь аура добра!» Действительно, в большом помещении было очень светло и празднично. На стенах висели картины; из мебели стайками располагались диваны, кресла и столы, очевидно, для обслуживания клиентов. Перехватив взгляд Агнии Изюмовны, Ирина похвасталась: «У нас даже портрет нашего шефа есть... Самим Никасом Сафроновым выполнен». Кроме Ирины в салоне за компьютером сидела еще девушка: такая же молодая и красивая.

— А что же вы можете нам предложить? — оглядев интерьер, спросила Агния Изюмовна. — Ведь у вас ничего нет!

— Наоборот, как раз НИЧЕГО у нас в избытке: на любой вкус и кошелек! — Ирина загадочно улыбнулась и вдруг неожиданно спросила:

— У вас машина есть?

— Конечно! — Сергей Иванович даже немного обиделся. — Да у нас все есть!

— А вы можете позволить себе приобретение другой машины? — Ирина присела напротив.

— Конечно, но у жены БМВ последней модели, у сына — «Ауди», А7...

— Вот видите, сейчас для вас все доступно, а радости от приобретения чего-то нового уже нет! Даже украшения, — Ирина мельком взглянула на Агнию Изюмовну, — уже не приносят того удовольствия, что раньше. А у нас вы можете приобрести то, чего нет ни в одном магазине мира: ни в Париже, ни Лондоне, ни Мадриде... да нигде!

— И что — что же это... Что? — Глаза Агнии Изюмовны невероятно округлились.

— Это самое главное и важное. Это НИЧЕГО!

— ...Но ничего и есть ничего. — Крупные капли пота выступили на лбу Сергея Ивановича. — Это пусто... — Он беспомощно развел руками.

— Вы не правы, немного... НИЧЕГО за умеренную плату еще нет ни у кого. А у вас будет! Вот вы хотите приобрести НИЧЕГО на какую сумму? Минимальная сумма за НИЧЕГО от 500 долларов.

Агния Изюмовна долго молчала, морщила лобик: «А может, у вас шубы, брильянты, или там... нижнее белье?» — но, увидев презрительную гримасу на лице Ирины, осеклась и довольно решительно сказала:

— Мне, пожалуйста, НИЧЕГО за 1000 долларов... для начала, для пробы...

— А вы что решили? — Ирина обратилась к Сергею Ивановичу. — На какую сумму возьмете НИЧЕГО?

— А у вас нет чего-нибудь прохладного, лучше холодного... типа виски?

— Спиртного не держим, а вот прохладный сок на любой вкус. Хотите клюквенного?..

Агния Изюмовна уже устала жечь глазами мужа и теперь настойчиво колола длинным коготком в полный живот мужа.

— Так это вроде пирамиды Мавроди. — Сергей Иванович презрительно усмехнулся.

— Нет, Мавроди продавал бумажки, и первые стали богаче за счет тысяч последних, то есть прослеживается концовка. Вы же будете первыми из первых. Вы же приобретете НИЧЕГО, которое бесконечно, как пространство... время. — Ирина мечтательно посмотрела куда-то вверх.

— Тогда я лучше детям... сиротам... в детский дом. — Сергей Иванович безвольно опустил мимо кресла руки.

— Конечно, вы можете быть меценатом, хотите тайным... Так многие богатые поступают. Их имена иногда проскальзывают на телевидении... в печати. Только они опять же что-то приобретают!.. Благодарность, например...

Выпив второй стакан сока, Сергей Иванович, наконец, выдавил:

— Пожалуй, я возьму НИЧЕГО за 500 долларов... За компанию.

— Замечательно. Пройдите к Ольге. Она вам выпишет чек на 1000 и 500 долларов, или вам одним чеком? Не забудьте визитки, там телефон шефа личный. Сейчас он у мэра на приеме...

— Нет, нет! — быстро среагировала Агния Изюмовна. — Мне отдельно!

В машине Агния Изюмовна долго с восхищением рассматривала чек, где крупными буквами светилось НИЧЕГО 1000 \$. Потом набрала по телефону подругу: «Привет, ты знаешь, я сегодня совершила удивительное приобретение за 1000 баксов... Короче, сейчас приеду и расскажу. Такой клевай покупки отродясь не совершала. А мой-то, мой — зажался... На 500 баксов взял только, не мог десяточку потратить. Жлоб, он и есть жлоб». Сергей Иванович крутил баранку. Пот со лба уже катил по щекам.